

УДК 94(470)".../1150"(045)

**«ПОСЛА НЫ ДЕРЬВЬСКА ЗЕМЛА...»
К ПРОБЛЕМЕ ТИПОЛОГИИ «ЛЕТОПИСНЫХ ПЛЕМЁН»**

В.В. Пузанов

Аннотация

Статья посвящена проблеме типологии «летописных племён», существовавших накануне образования Древнерусского государства. Анализируются современная историография проблемы, новейшие методологические подходы, применяемые для её решения, их эвристический потенциал. На основе «древлянского» сюжета «Повести временных лет» с использованием сравнительно-исторического и археологического материала реконструируется структура «летописных племён», социальная иерархия и система организации власти. Обосновывается вывод о длительной консервации эгалитарных черт у восточных славян, что обусловило гетерархическую модель политогенеза, формировавшуюся на почве «военной демократии».

Ключевые слова: «летописные племена», Древнерусское государство, политогенез, вождество, военная демократия, гетерархия.

Вопрос об образовании Древнерусского государства традиционно вызывает интерес у исследователей. И дело не только в норманнской проблеме, в трактовке особенностей восточнославянского политогенеза, общественно-политическом резонансе и т. п., но и в методологической составляющей: изучение процессов зарождения тех или иных социальных или политических институтов, явлений для историка представляет непреходящий интерес с точки зрения понимания механизмов и закономерностей исторического развития, выработки и апробации методологических и концептуальных схем. Рассматриваемая проблема является частью глобальной темы, связанной с выяснением закономерностей и этапов социальной эволюции на пути от первобытности к государству.

В свое время Л. Морган высказал продуктивную мысль о том, что высшим этапом догосударственного развития общества являлся этап «военной демократии». Это положение прочно вошло в труды классиков марксизма и в советскую историографию. С середины 50-х годов XX в. начинается история американского неозволюционизма (Э. Сервис, М. Фрид, М. Салинз и др.), получившего широкое признание на Западе. Основоположники данного направления полагали, что высшей стадией догосударственного развития общества являлась не «военная демократия», а «вождество» – более жёсткая и иерархическая структура управления. С конца 70-х годов эти идеи стали распространяться в советской историографии (А.М. Хазанов, Л.С. Васильев), а с началом 90-х – прочно вошли в методологический арсенал исследователей восточнославянских древностей.

Многие современные историки поспешили объявить «вождество» универсальным всемирным явлением и начали подгонку материала под жёстко заданную схему. Одновременно всё большую динамику набирают представления о многолинейности исторического развития, в рамках которых и «военная демократия», и «вождество» – лишь некоторые из возможных вариантов социальной эволюции (см. [1]). Естественно, возникает вопрос: в какой степени эти методологические конструкции соответствуют восточнославянскому материалу? Не претендуя на окончательное решение проблемы, попытаемся предложить ряд ответов на поставленный вопрос.

Исследователи давно обратили внимание, что в начальной летописи Киевской Руси предшествуют особые образования: поляне, древляне, северяне, словене, кривичи, радимичи, дреговичи, вятичи, уличи, тиверцы и пр. В историографии за ними достаточно прочно закрепилось понятие «летописные племена». Однако мнения относительно типологии этих образований, их социальной природы разделились. Их называли «союзами племён», «племенными княжениями», «племенными княжествами», «федерациями племён», «славиниями», «вождествами». Соответственно, одни историки рассматривают их как объединения, целиком укладывающиеся «в систему родоплеменных отношений», другие – как раннегосударственные или предгосударственные образования [2, с. 55–56; 3, с. 139–140; 4, с. 26–27; 5, с. 13–14; 6, с. 83–87; 7, с. 62–64; 8, с. 18–19; 9, с. 160–177; 10, с. 32–48].

Особенно активно эту проблему в последнее время разрабатывал А.А. Горский. Опираясь на проведённый им анализ этнонимов, исследователь пришёл к выводу, что в результате «расселения VI – VIII вв.» племенная структура славянского общества была разрушена «и сформировались новые общности, носившие уже в основном не кровнородственный, а территориально-политический характер». Поскольку «называть их “племенами” или “союзами племён” неверно фактически» [11, с. 13], А.А. Горский предложил их именовать, соответственно, «племенными княжествами» и (когда речь идёт об их объединениях) «союзами племенных княжеств» [12, с. 158, 159, прим. 11; 11, с. 13–14]. Вскоре и те, и другие он стал называть «славиниями» [9, с. 160–177; 10, с. 32–48; 11, с. 13–14].

Основная причина таких нововведений – «стремление по возможности представить историю Руси в терминах изучаемой эпохи» [11, с. 7]. Так как «у самих раннесредневековых славян особого термина для обозначения догосударственных территориально-политических общностей не было» [11, с. 14], то А.А. Горский предлагает использовать название из византийских источников (то есть «Славинии»). «Продолжение... использования понятия “племя”, – считает он, – будет затемнять картину, поскольку этнополитическая структура раннесредневекового славянства была уже... постплеменной» [11, с. 14]. Поэтому термины «племенное княжество» и «союз племенных княжеств», по мнению исследователя, следует «употреблять только тогда, когда надо специально подчеркнуть, какой из двух типов Славиний – небольшие догосударственные общности или их объединения – имеется в виду» [11, с. 14].

В последних работах А.А. Горский полностью отказался от использования понятий «племенные княжества» и «союзы племенных княжеств» не только потому, что «такая терминология... не очень удобна в употреблении (так как

требует двух-трёх слов)», но и потому, что применение «определения “племенное” сохраняет иллюзию, что эти общности носили всё же родоплеменной характер». Целесообразно, по его мнению, использовать понятия «славинии» («для обозначения славянских догосударственных образований») и «союзы славиний» (когда речь идёт об образованиях, состоящих из нескольких общностей) [10, с. 35]. Славинии, в том числе и восточнославянские, А.А. Горский типологически охарактеризовал как вождества [10, с. 36–48]. Процесс становления государства у восточных славян, по его мнению, шёл по пути объединения простых вождеств в сложные [10, с. 48]. При этом автор, как и многие исследователи до него, попытался привлечь на свою сторону летописца, поставив его, таким образом, у истоков современной теории вождеств: «Отметим, что слово “княжение”, которым автор ПВЛ обозначил этап в развитии организации “славиний” Восточной Европы, есть точный древнерусский эквивалент англ. *chiefdom* – “вождество”. То есть древнерусский книжник определил устройство восточнославянских догосударственных общностей тем же словом, что вошло в обиход современных этнологов, только восемью с половиной веками раньше» [10, с. 42, прим. 140].

Вряд ли такой подход можно считать продуктивным. С тем же успехом, например, можно применять древнерусское *чюдь* или *языци* в качестве термина для обозначения финно-угорских «территориально-политических общностей». К тому же в русских источниках имеется терминология, характеризующая (выражаясь языком А.А. Горского) восточнославянские «территориально-политические общности» (такие как *поляне*, *древляне* и др.): примером может служить слово *земля*¹. А.А. Горский не использует этот термин по той причине, что «в летописных известиях о славянских союзах племенных княжеств IX – X вв. употребление термина “земля” (применявшегося в XI – XII вв. по отношению к суверенным государствам) может быть модернизацией» [11, с. 14].

Данное положение базируется на ошибочных выводах автора, согласно которым понятие *земля* в Древней Руси обозначало собственно государство, а понятие *волость* – его составную часть (см. [13, с. 7–9]). Факты же свидетельствуют о том, что слово *земля* могло использоваться разными книжниками не только «по отношению к суверенным государствам», но и для обозначения их составных частей (например, волостей) и, как мы видели, в отношении «племенных» территорий. Понятия *земля*, *страна*, *волость*, *область* книжниками XI – начала XII в. чётко не разделялись и зачастую использовались как синонимы [13, с. 13–180].

Положения и выводы А.А. Горского напоминают «игру в термины» [14, с. 308–309, прим. 205]. По верному замечанию В.Я. Петрухина, «термин “племя” относится к “естественному” русскому (и древнерусскому) языку, и значение его связано с доминантой кровнородственных отношений над государственными (в историческом контексте). В этом смысле его употребление в историографии едва ли может вызвать возражения» [15, с. 134–135, прим. 94]. Показательно, что в определённых случаях этнополитические образования летописец характеризовал понятием *род*. Данный термин мог применяться как ко всему объединению

¹ *Аскольдъ же и Дирь... начаста владети Польскою землею* (ЛЛ, стб. 21); *Реша же Древляне: посла ны Деревьска земля... Бяше бо мужь твои аки волкъ, восхищая и грабя, а наши князи добри суть, иже расплали суть Деревьскую землею* (ЛЛ, стб. 55–56); *Се слышавше, Древляне собрашася лучшии мужи, иже дерьжаху Деревьску землею* (ЛЛ, стб. 57) и др.

(*Мы от рода Рускаго* (ЛЛ, стб. 32–33, 46); *Мы [поляне] седимъ, родъ ихъ, платяче дань козаромъ* (ПВЛ 1996, с. 13)), так и к отдельным его составляющим (*И избрашася 3 братья с роды своими [и] пояша по собе всю Русь, и придоша* (ЛЛ, стб. 20); *Подем же жившемъ особе и володеющемъ и роды своими... и живяху кождо родомъ своимъ на своихъ местех* (ЛЛ, стб. 9)). Использование понятий *род* и *племя* показывает, что для летописца главной была не политическая, а этническая составляющая всех этих образований. Поэтому и вхождение «племён» в состав Киевской Руси осмысливалось в плане адопции – введения (наречения) Олегом их в свой род (в Русь): *И рече Олегъ: «Се буди мати градомъ рускимъ». И беша оу него варязи и словене и прочи прозвашася «русью»* (ЛЛ, стб. 23; ИЛ, стб. 17).

Определение типологии восточнославянских «летописных племён» («княжеский») требует детального анализа их структуры управления и власти. До настоящего времени и тезис о «племенных княжениях», и тезис о «вождествах» по отношению к ним основывался фактически на одном показателе письменных источников – наличии князей (вождей)², так как этнографические данные по вождествам в отношении Европы отсутствуют, а археологические признаки ненадёжны (см. [1, с. 45–55]). Но наличие института вождя само по себе не свидетельствует в пользу вождества, равно как и военной демократии. Важны существенные характеристики. Согласно принятым в современной политической антропологии критериям, военная демократия – «горизонтально организованная структура», в рамках которой «динамически сосуществуют три равноправных органа управления: народное собрание (или собрание воинов), совет старейшин и вождь. В вождестве народ отстранён от непосредственного управления. Вождество является не горизонтально, а вертикально организованной формой управления. <...> Вождества более централизованны. В них более ярка иерархия поселений, ярче выражена социальная стратификация общества» [16, с. 19, 21].

Если исходить из данных критериев, то известия византийских авторов о системе управления в «славиниях» (троичная система организации власти: князь – совет старейшин – народное собрание) указывают на стадию военной демократии (см. [17, с. 11–15])³. В отношении восточных славян, к сожалению, нет сколько-нибудь презентативных сведений. Наиболее ценны известия «Повести временных лет» (ПВЛ) о древлянах – как в плане характеристики потестарной организации, так и с точки зрения анализа системы отношений с Киевом. Уникальность древлянских сюжетов ПВЛ объясняется не особенностью этнополитической организации древлян, а драматизмом событий, вызванных гибелью великого князя Игоря Рюриковича. Поэтому данные сведения можно использовать и для реконструкции потестарно-политической организации других «летописных племён», и для характеристики взаимоотношений Киева с подвластными

² Так, А.А. Горский, задаваясь вопросом, являлись ли восточнославянские догосударственные общности племенами или вождествами, пытается ответить на него поиском упоминаний источников о вождях и знатных родах [10, с. 36–48].

³ Более подробно см. также: Лузанов В.В. Факторы развития древнерусской государственности и особенности формирования отечественной политико-правовой традиции // История суда и судебной власти: в 10 т. – М.: Проспект, 2014. – Т. 1: Суд и правосудие в Древней Руси. Кн. 1: Исторические условия, этапы и характерные черты становления суда и правосудия в Древней Руси (в печати).

«племенами» в целом. Поскольку сюжет общеизвестен, мы не будем останавливаться на его пересказе, а перейдём к непосредственному анализу текста.

Структура Древлянского объединения в общих чертах реконструируется по информации ПВЛ и Новгородской первой летописи младшего извода⁴. Так, осуждая алчность Игоря, древлянские послы обращаются к Ольге со словами: *Посла ны Деревьска земля, ркуще сице: мужа твоего оубихомъ, бяше бо мужь твой аки волкъ, восхищая и грабя, а наши князи добри суть, иже распасли суть Деревьску землю, да поиди за нашъ князь за Малъ* (ЛЛ, стб. 55–56; ИЛ, стб. 44). Вероятно, фраза *наши князи добри суть* имеет в виду не только Мала и его предшественников, но и князей рангом ниже, возглавлявших малые племена и сидевших в градах, в которых древляне *затворишася* после неудачного сражения с киевским войском: *Древляне же побегоша и затворишася в градахъ своихъ* (ЛЛ, стб. 58; ИЛ, стб. 46).

Об этих же градах говорит Ольга, обращаясь к жителям Искоростеня: *Что хотите доседети? А вси гради ваши предашася мне, и ялися по дань, и делают нивы своя и земле своя, а вы хотите измерети голодомъ, не имучися по дань* (ЛЛ, стб. 58; ИЛ, стб. 47). Б.А. Звиздецкий обратил внимание, что количество выявленных археологами древлянских городищ (20) [18, с. 77–81; 19] совпадает с количеством послов, отправленных древлянами к Ольге (*И послаша древляне лучшише мужи, числомъ 20, в лодыи къ Ользѣ* (ЛЛ, стб. 55; ИЛ, стб. 43)). Это позволило ему сделать предположение, что «20 лучших “мужей” являлись представителями 20 небольших племён, входивших в древлянский союз. <...> “Грады” были “резиденциями” родоплеменной верхушки 20 племён Древлянской земли. Князья этих племён были подвластны Искоростеньскому Малу – вассалу киевского князя Игоря» [18, с. 81]⁵. «Племенные» города являлись «младшими» по отношению к старшему Искоростеню, в котором и принимались важнейшие решения от лица всей *Древлянской земли* [17, с. 39].

Таким образом, у древлян есть князь Мал и, видимо, подвластное ему племенное княжѣ. Есть также *лучшише* и *нарочитые мужи*. Судя по всему, *лучшише* – это люди, добившиеся социального положения своими личными достоинствами, а *нарочитые* (*лучшише... иже деръжаху Деревьску землю*) – приобретшие достоинство по рождению, то есть представители древлянского нобилитета (в том числе – княжеских родов) [14, с. 568]. Таким образом, становится понятным требование Ольги прислать к ней сватами «нарочитых мужей»: погубив их, она обезглавливала «малые племена». Не случайно последние потом легко покорились под дань (*А вси гради ваши предашася мне, и ялися по дань* (ЛЛ, стб. 58; ИЛ, стб. 47)), тогда как Искоростень, где находился князь Мал, оказал упорное сопротивление. Показательно, что о подчинении «малых племён» ПВЛ ничего не говорит. Видимо, сам факт избияния «нарочитых мужей» должен был лишить их воли к сопротивлению.

Как выстроена система власти у древлян, согласно летописному рассказу? *Нарочитые мужи* управляют Древлянской землёй (*держат* её), представляют

⁴ Далее ссылки даются на ПВЛ (Лаврентьевский и Ипатьевский списки).

⁵ 20 племён у древлян, 20 сотен в Новгородской земле... Не следствие ли это дуального деления родов, наложенного на десятичную систему?

вместе с *лучшими мужами* Древлянскую землю перед внешним миром⁶. Однако принимают решения *древляне*: постановляют убить Игоря⁷, вступают с ним в переговоры⁸, убивают Игоря⁹, решают взять Ольгу замуж за своего князя Мала¹⁰ (чтобы, по понятиям того времени, возобладать над киевлянами, ведь брак с Ольгой легализовал бы право Мала на Киев и Киевскую землю), дважды посылают к Ольге послов, обращаются к ней с вопросом о судьбе посольства¹¹, вступают в переговоры во время осады Искоростеня¹², собирают дань птицами¹³ и т. д. Ольга, в свою очередь, апеллирует не к князю Малу, не к *нарочитым* и *лучшим мужам*, а к *древлянам*¹⁴.

Естественно, встаёт вопрос: а кто такие *древляне*? В каждом конкретном случае летописец понимал под ними разные слои: одно дело *древляне*, которые посылают посольство, и другое – *древляне* как собирательное название древлянских послов. Естественно, нас интересует первый случай. Дважды летописец приоткрывает завесу над этими *древлянами*: 1) когда мы узнаём, что понятия *послала древляне* и *послала Древлянская земля* – синонимы¹⁵; 2) когда древлянские представители после выплаты дани голубями и воробьями вернулись в город и поведали *людям* о том, что Ольга обещала наутро снять осаду¹⁶.

Таким образом, *древляне* – *Древлянская земля* – *люди* выступают в качестве синонимов. *Лучшие* и *нарочитые мужи* – часть Древлянской земли, так же как и те *древляне*, которых перебили Ольгины *отроки* у могилы Игоря в количестве 5000, и те *людье*, которым послы поведали о том, что Ольга согласилась взять дань и прекратить осаду. *Земля* в данном случае (и в соответствии с древнерусской книжной традицией в целом [13]) обозначает единство территории, народа и власти. При этом понятия *народ*, *власть*, *войско* могли выступать в качестве синонимов. *Держат* землю (управляют ею) *нарочитые мужи*. Показательно, однако, что не сами *лучшие* и *нарочитые мужи* (хоть последние и «держат»

⁶ *И послаша древляне лучшие мужи, числомъ 20, в лодыи къ Ользѣ* (ЛЛ, стб. 55; ИЛ, стб. 43); *Пославиши Ольга къ древлянском, рече имъ: «Да аще мя просити право, то пришлите мужа нарочиты, да въ велице чти приду за вашъ князь, еда не пустятъ мене людье киевѣстии». Се слышавше, древляне собрашася* [в Радзивилловской и Ипатьевской летописях – *избраша*. – В.П.]... *лучшии мужи*, иже деръжаху Деревьску землю, и послаша по ню (ЛЛ, стб. 56–57; ИЛ, стб. 45).

⁷ *Слышавше же древляне, яко опять идеть, съдумавше со княземъ своимъ Маломъ: «Аще ся въводитъ волкъ въ овце, то выносить все стадо, аще не оубьютъ его; тако и се, аще не оубьемъ его, то все ны погубить»* (ЛЛ, стб. 54–55; ИЛ, стб. 43).

⁸ *Послаша к нему, глаголюще: «Почто идиши опять? Поималъ еси въсю дань»* (ЛЛ, стб. 55; ИЛ, стб. 43).

⁹ *И вышедше изъ града Изькоростеня противу древляне оубиша Игоря и дружину его, бѣ бо ихъ мало* (ЛЛ, стб. 55; ИЛ, стб. 43).

¹⁰ *Реша же древляне: «Се князя оубихомъ рускаго, поимемъ жену его Вольгу за князь свой Маль и Святослава, и створимъ ему, якоже хоцемъ»* (ЛЛ, стб. 55; ИЛ, стб. 43).

¹¹ *И ркоша древляне къ Олзѣ: «Кде суть друзе наши, ихъже послахомъ по тя?»* (ИЛ, стб. 45; ЛЛ, стб. 57).

¹² *Древляне же рькоша: «Ради ся быхомъ яли по дань, но хоцещи мшиати мужа своего»* и далее (ЛЛ, стб. 58; ИЛ, стб. 47).

¹³ *Древляне же... собраша от двора по 3 голуби и по 3 воробьи* (ЛЛ, стб. 59; ИЛ, стб. 47).

¹⁴ *Пославиши Ольга къ древлянском, рече имъ: «Да аще мя просити право, то пришлите мужа нарочиты»* (ЛЛ, стб. 56–57; ИЛ, стб. 45); *И посла къ древлянском, ркуци сице: «Се оуже иду к вамъ, да пристройте меды многи въ граде, идеже оубисте мужа моего, да плачюся надъ гробомъ его, и створю трызну мужю своему»* (ЛЛ, стб. 57; ИЛ, стб. 45); *И стоя Ольга лето цело, и не можаше взяти города, и умысли сице: посла къ городу, ркуци: «Чего хоцете доседети?»* (ИЛ, стб. 47; ЛЛ, стб. 58).

¹⁵ *И послаша древляне лучшие мужи, числомъ 20, в лодыи къ Ользѣ*. По прибытии же сказали послы Ольге: *«Посла ны Дервьска земля»* (ЛЛ, стб. 55–56; ИЛ, стб. 43–44).

¹⁶ *Древляне же ради бывше, вънидоша в градъ и поведаша людемъ, и обрадовашася людье в граде* (ЛЛ, стб. 59; ИЛ, стб. 47–48).

землю) принимают решение отправиться к Ольге, а посылают их древляне, Древлянская земля. Следовательно, принимают решения все *люди* – вече. Однако, чтобы сокрушить древлян, основной удар Ольга направляет на *лучших и нарочитых мужей*. Если учесть, что тогда социальный статус человека был обусловлен либо происхождением, либо *удачей*, что в глазах общества делало его носителем определённых качеств, легко понять действия Ольги: уничтожая знать, она уничтожала, по понятиям того времени, силу и удачу древлян.

Какова же была роль князя у древлян? Образ Мала пассивен и растворяется в коллективном образе древлян. Мал фигурирует при принятии решений один раз, но и здесь главным субъектом действия выступают древляне: *Съдумавше древляне съ княземъ своимъ Маломъ...* (ИЛ, стб. 43; ЛЛ, стб. 54–55). Незаметен Мал и в качестве организатора войска: если Ольга *пристрои вой на прокъ ихъ* (древлян), то против неё вышли древляне (*и изыдоша деревляне противу*), а не Мал (ЛЛ, стб. 58; ИЛ, стб. 46). Функции древлянских князей выражены словом *распасли* (*наши князи добри суть, иже распасли суть Деревьскую землю* (ЛЛ, стб. 55–56)). Это понятие переводят по-разному ('расплодили', 'обустроили' и др.), соблазнительно увидеть здесь сакрального правителя, который не отягощён административной рутинной, убажывает многочисленных жён и наложниц, обеспечивая тем самым благополучие земли: делает всё, чтобы *распаст* её. Управляют же всем *нарочитые мужи* (вероятно, речь идёт о родоплеменной знати – главах родов и племён, *иже держашу* Древлянскую землю). В то же время Мал должен присутствовать на общественно значимых мероприятиях (народных собраниях, жертвоприношениях, приёме послов и пр.), касающихся благополучия древлян и Древлянской земли, обеспечивая тем самым необходимую сакральную защиту и помощь богов.

Однако, как ни соблазнительна такая точка зрения, для неё нет достаточных оснований. Вполне возможно, что пассивность Мала по сравнению с Ольгой объясняется особым вниманием летописца к княгине и тем обстоятельством, что книжник понимал разницу в характере власти между князем формирующейся Руси и князем отживавших свой век союзов племён, в котором равнозначны были три органа власти: вождь, совет знати, вече. Показательно, однако, что Владимир Мономах воспринимал борьбу с вятичами, теми из них, кто ещё не покорился Киеву, как борьбу с князем Ходотой и его сыном (*А въ вятичи ходихомъ по две зиме, на Ходоту и сына его...* – писал князь в Поучении (ЛЛ, стб. 248)). Вряд ли власть Ходоты, затерявшегося в глухих вятичских закутках вместе со своими соплеменниками, принципиально отличалась от власти Мала. Следует учитывать, что словом *распасли* книжник мог противопоставлять не только древлянских князей Игорю, но и киевских князей языческой поры Владимиру Святославичу и его потомкам. Мал, скорее всего, не персонифицирован в поступках потому, что книжник ничего конкретного о нём не ведал. Вполне возможен и расхожий летописный штамп, когда указывается предводитель одной лишь стороны (чаще всего нападавшей), а вторая сторона скрывается за собирательным названием (*ятвяги, суздальцы* и т. п.), например: *Иде Володимиръ на ятвяги и победи ятвяги* (ЛЛ, стб. 82); *Иде Всеволодъ на Суздаль ратью...* *И бишася на Ждане горе* (НЛ, с. 23) и под.

Схожая система организации власти (князь – совет старейшин – вече), но с большей ролью князя в административном управлении представлена у русов в тексте 5-й книги (глава 94) «Продолжателя Феофана», повествующем о крещении Руси во второе патриаршество Игнатия (847–858, 867–877). Автором этой книги, посвящённой жизнеописанию византийского императора Василия I Македонянина, традиционно считается Константин Багрянородный¹⁷. В рассказе, больше похожем на легенду и содержащем фантастические подробности, содержится всё же зерно истины. И заключается оно, вероятно, не в мнимом крещении русов во второй половине IX в. и не в чуде с Евангелием, а в отражении автором современных ему исторических реалий, характеризующих государственный строй Руси середины X века, о котором Константин был хорошо информирован.

Согласно тексту, Василий щедрыми дарами убедил русов креститься и принять рукоположенного патриархом Игнатием архиепископа. Показательно, что вопрос о крещении решался на вече: *Однажды князь этого племени собрал сходку из подданных и воссел впереди со своими старейшинами, кои более других по многолетней привычке были преданы суеверию, и стал рассуждать с ними о христианской и исконной вере. Позвали туда и иерея¹⁸, только что к ним явившегося, и спросили его, что он им возвестит и чему собирается наставлять. А тот, протягивая священную книгу божественного Евангелия, возвестил им некоторые из чудес Спасителя и Бога нашего и поведал по Ветхому завету о чудотворных Божьих деяниях. На это росы тут же ответили: «Если сами не узрим подобного, а особенно того, что рассказываешь ты о трёх отроках и печи¹⁹, не поверим тебе и не откроем ушей речам твоим». Помолвившись, архиепископ бросил по требованию русов в огонь Евангелие, которое осталось невредимым и нетронутым, никакого зла и ущерба от огня не потерпевшим, так что даже кисти заповоротов книги не попортились и не изменились. Увидели это варвары, поразились величию чуда и уже без сомнений приступили к крещению* (ПФ, с. 213–214)²⁰. Константин Багрянородный весьма точно описал состав веча (князь, старейшины, народ), процедуру проведения и принятия на нём решений, и не доверять ему нет оснований.

Итак, имеющиеся сведения о «летописных племенах», равно как и особенности социально-политического строя домонгольской Руси, для которого характерна огромная роль города и веча [20], не позволяют классифицировать восточнославянские этнополитические образования VIII – IX вв. как вожества. Наличие потестарной триады *князь, совет старейшин, народное собрание* типично для эпохи военной демократии.

В этой связи особое внимание привлекают выводы Н.Н. Крадина – одного из ведущих теоретиков в области политической антропологии и главного оте-

¹⁷ Константин Багрянородный – византийский император (913–959 гг.), внук Василия I Македонянина (императора в 867–886 гг.).

¹⁸ Архиепископа, рукоположенного Игнатием.

¹⁹ Имеется в виду библейская легенда, согласно которой царь Навуходоносор велел бросить в печь трёх мужей, отказавшихся поклоняться идолам: мужи вышли из печи невредимыми (Дан. 3).

²⁰ О том, что в решении о крещении Руси было задействовано вече, свидетельствует и Пролог начала XIII в., согласно которому Владимир, вернувшись в Киев из Корсуня, *изби вся идолы... Посемь созва все множество людей и заповеда имъ креститися, нарекъ имъ день* (Пролог, с. 402). Конечно, в Прологе могли переноситься современные политические реалии на древний период, и это следует учитывать.

чественного специалиста по проблеме вождеств. Исходя из теории многолинейной эволюции, Н.Н. Крадин не считает вождество «универсальным способом трансформации» догосударственных обществ в раннегосударственные [16, с. 19–21; 21, с. 170–174; 22–23]. Одной из альтернатив вождеству, по его мнению, являлась гетерархия [22, с. 147–149; 23, с. 229–232]. Допуская существование вождеств у восточных славян во второй половине I тыс. н. э. [23, с. 214–215], в Древней Руси он видит совокупность «этнически и культурно близких политий разной степени структурированности: от сложных вождеств до гетерархических протогородских республик» [22, с. 149]. При этом исследователь предполагает, что гетерархическую модель на Русь принесли викинги [23, с. 231–232].

Вряд ли с последним положением можно безоговорочно согласиться. Славянское общество на начальном этапе расселения (VI век) было более архаичным, чем германское в начале экспансии на территорию Западной Римской империи: для славян характерны меньшая степень развитости институтов собственности, аристократических элементов, менее жёсткая стратификация в целом (в том числе более выраженная архаичность рабства), неразвитость потестарных структур и т. п. (см. [17; 24, с. 193–194]). Ещё более архаичным оно было по сравнению с современными ему варварскими обществами германской Европы VI – VIII вв. Поэтому, скорее всего, речь можно вести о консервации эгалитарных черт в условиях Восточной Европы и о «наложении» скандинавской гетерархической модели на восточнославянскую гетерархическую модель, формировавшуюся на почве «военной демократии».

Summary

V.V. Puzanov. “Посла ны Дервьвска земля...”: On the Problem of Typology of Annalistic Tribes.

The article is dedicated to the problem of typology of annalistic tribes, which existed before the formation of the Old-Russian state. We analyze the modern historiography of the problem, the latest methodological approaches used to solve it, and their heuristic potential. Based on the plot of “The Tale of Bygone Years” and using comparative historical and archaeological material, we reconstruct the structure of annalistic tribes, their social hierarchy and government system. We prove the idea about the long-term preservation of egalitarian features in the Eastern Slavs, which led to the heterarchical model of politogenesis, formed on the basis of military democracy.

Keywords: annalistic tribes, Old-Russian state, politogenesis, chiefdom, military democracy, heterarchy,

Источники

- ЛЛ – Полное собрание русских летописей. Т. 1: Лаврентьевская летопись. – М.: Языки рус. культуры, 1997. – 496 с.
- ИЛ – Полное собрание русских летописей. Т. 2: Ипатьевская летопись. – М.: Языки рус. культуры, 1998. – 648 с.
- ПВЛ 1996 – Повесть временных лет. – СПб.: Наука, 1996. – 669 с.
- НЛ – Полное собрание русских летописей. Т. 3: Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. – М.: Языки рус. культуры, 2000. – 720 с.

ПФ – Продолжатель Феофана: жизнеописания византийских царей. – СПб.: Алетейя, 2009. – 400 с.

Пролог – Из Пролога // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 2: XI – XII века. – СПб.: Наука, 1999. – С. 388–405.

Литература

1. Пузанов В.В. Образование Древнерусского государства в восточноевропейской историографии. – Ижевск: Удмурт. ун-т, 2012. – 152 с.
2. Шаскольский И.П. О начальных этапах формирования Древнерусского государства // Становление раннефеодальных славянских государств: Материалы науч. сессии польских и советских историков. Киев, 1969 г. – Киев: Наукова думка, 1972. – С. 55–66.
3. Шаскольский И.П. Образование Древнерусского государства // Советская историография Киевской Руси. – Л.: Наука, 1978. – С. 128–141.
4. Рыбаков Б.А. Союзы племён и проблема генезиса феодализма на Руси // Проблемы возникновения феодализма у народов СССР. – М.: Наука, 1969. – С. 25–28.
5. Мавродин В.В. Образование Древнерусского государства и формирование древнерусской народности. – М.: Высш. шк., 1971. – 192 с.
6. Пашуто В.Т. Особенности структуры Древнерусского государства // Новосельцев А.П., Пашуто В.Т., Черепнин Л.В., Шушарин В.П., Щапов Я.Н. Древнерусское государство и его международное значение. – М.: Наука, 1965. – С. 77–127.
7. Фроянов И.Я. К истории зарождения русского государства // Из истории Византии и византиноведения. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1991. – С. 57–93.
8. Шишкин И.Г. Проблемы образования Древнерусского государства в отечественной историографии (1917–1990-е годы): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Екатеринбург, 1997. – 24 с.
9. Буданова В.П., Горский А.А., Ермолова И.Е. Великое переселение народов: этнополитические и социальные аспекты. – М.: ИРИ РАН, 1999. – 348 с.
10. Горский А.А. Первое столетие Руси // Средневековая Русь. Вып. 10. К 1150-летию зарождения российской государственности. – М.: Индрик, 2012. – С. 7–112.
11. Горский А.А. Русь: От славянского Расселения до Московского царства. – М.: Языки слав. культуры, 2004. – 392 с.
12. Горский А.А. Русь в конце X – начале XII в.: территориально-политическая структура («земли» и «волости») // Отечественная история. – 1992. – № 4. – С. 154–161.
13. Пузанов В.В. Государство и общество Древней Руси глазами современников (X – начало XII века): историко-антропологические очерки. – Ижевск: Удмурт. ун-т, 2012. – 238 с.
14. Пузанов В.В. Древнерусская государственность: генезис, этнокультурная среда, идеологические конструкты. – Ижевск: Удмурт. ун-т, 2007. – 624 с.
15. Петрухин В.Я. Русь IX – X века. От призвания варягов до выбора веры. – М.: Форум; Неолит, 2013. – 464 с.
16. Крадин Н.Н. Вожество: современное состояние и проблемы изучения // Ранние формы политической организации: от первобытности к государственности. – М.: Вост. лит., 1995. – С. 11–61.
17. Пузанов В.В. У истоков восточнославянской государственности // История России: народ и власть. – СПб.: Лань, 1997. – С. 5–48.
18. Звіздецький Б.А. Про час виникнення та соціальну типологію літописних «градів» Древланської землі // Український історичний журн. – 1990. – № 3. – С. 77–87.

19. *Звіздецький Б.А.* Про деякі особливості древлянських городищ VIII – X ст. // Стародавній Іскоростень і слов'янські гради VIII – X ст. – Київ: Корвін Пресс, 2004. – С. 41–50.
20. *Фроянов И.Я.* Киевская Русь: Очерки социально-политической истории. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1980. – 256 с.
21. *Крадин Н.Н.* Политическая антропология. – М.: Логос, 2004. – 272 с.
22. *Крадин Н.Н.* Проблемы государственности на Руси в свете теории многолинейной эволюции // Восточная Европа в древности и средневековье. Ранние государства Европы и Азии. Проблемы политогенеза: XXIII Чтения памяти чл.-корр. АН СССР Владимира Терентьевича Пашуто. – М.: ИВИ РАН, 2011. – С. 147–150.
23. *Крадин Н.Н.* Становление государственности на Руси в свете данных политической антропологии // Древнейшие государства Восточной Европы. 2010: Предпосылки и пути образования Древнерусского государства. – М.: Ун-т Дмитрия Пожарского, 2012. – С. 211–239.
24. *Пузанов В.В.* О феодализме в России // Государство и общество. История. Экономика. Политика. Право. – 1999. – № 3–4. – С. 187–219.

Поступила в редакцию
02.02.2014

Пузанов Виктор Владимирович – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой дореволюционной отечественной истории, Удмуртский государственный университет, г. Ижевск, Россия.

E-mail: vpuzanov@gmail.com